

Вернувшись домой, Ван Ин застал Чэнь Цинъяня за проверкой уроков младшего брата. Не желая мешать им, он сразу прошел на задний двор, чтобы спрятать выручку.

На сегодняшний день в семье скопилось уже более ста гуаней. Шестьдесят из них принесла осенняя жатва, а остальное составляла чистая прибыль лавки за последние месяцы. И это не считая повседневных трат и расходов на новогодние подарки. Можно было с уверенностью сказать: под руководством юноши хозяйство семьи Чэнь наконец-то выбралось из долговой ямы и начало процветать.

Ван Ин сложил сегодняшние деньги в сундук. В кладовой стояли уже два доверху набитых медью ящика — пора бы выбрать время и обменять их в меняльной лавке на серебро: и хранить удобнее, и с собой носить легче. Беда лишь в том, что при обмене меди на серебро неизбежны потери. В обычное время за один лян давали тысячу взней, но при обратном обмене менялы требовали уже больше тысячи ста. Десятипроцентная комиссия казалась Ван Ину грабежом среди бела дня.

Заперев кладовую, он столкнулся на выходе с мужем, который как раз возвращался из передней части дома.

— А-Ин, ты уже здесь?

— Торговля сегодня шла бойко, всё быстро распродал, вот и вернулся пораньше.

— Неужели всё, что утром заготовили, разошлось? — на лице Чэнь Цинъяня отразилось такое искреннее изумление, что юноша невольно рассмеялся.

Войдя в комнату, Ван Ин снял накидку и стеганую куртку, передав их супругу. В доме, согретом подземным отоплением, было так тепло, что лишняя одежда только мешала.

— Подойди-ка, мне нужно с тобой поговорить.

Чэнь Цинъянь сел рядом:

— Что случилось?

— Это я хочу тебя спросить. Ты со вчерашнего вечера сам не свой. Весь день ходишь как в тумане — ты хоть глаз сомкнул за ночь?

— Да нет... просто дорога была тяжелой, никак в себя не приду, — попытался уклониться от ответа тот.

Ван Ин посмотрел на него с сомнением:

— Вправду?

— Чистая правда.

— Смотри мне, если что-то гложет — обязательно расскажи.

— Не волнуйся, всё хорошо. Не забивай себе голову чепухой.

— Ну, раз хорошо, то и ладно. Пойду гляну, как там в западном дворе ремонт продвигается.

Муж вдруг удержал его за руку.

— Что такое?

— Хочу обнять тебя, — Цинъянь обхватил его за талию, уткнувшись лицом в живот и глубоко вдыхая знакомый запах.

Ван Ин понимал: у того на душе кошки скребут, но раз он не желает открываться, силой правду не вытянешь. У каждого должны быть свои маленькие тайны. Он ласково взъерошил волосы супруга:

— Если не выспался, приляг еще. Я скоро вернусь.

— Хорошо.

Когда дверь за Ван Ином закрылась, Чэнь Цинъянь тяжело вздохнул. Он вовсе не хотел лгать А-Ину, просто слова застревали в горле. Подготовка к экзаменам давно превратилась в его личного демона. Стоило лишь коснуться этой темы, как его захлестывали тревога и чувство беспомощности, пожирающие остатки самоуважения.

«Ладно, — решил он, — сначала разберусь с этим сам, а потом уже расскажу А-Ину»

В западном дворе дядя Чэнь присматривал за нанятыми каменщиками. Когда-то здесь жила третья тетушка до своего замужества, и с тех пор, как она покинула отчий дом, комнаты пустовали долгие годы.

— Молодой господин пришел! — поприветствовал его старик.

— Как успехи? Скоро закончат?

— Еще несколько дней понадобится. Дом давно не чинили, рамы оконные совсем рассохлись и перекошились, приходится всё укреплять заново.

Пока старый господин Чэнь был жив, он каждый год вызывал мастеров для починки. Но после его смерти на семью обрушилось столько бед, а госпожа Ли совсем не умела вести дела, что поместье пришло в упадок.

Ван Ин посмотрел на подмастерье, который, взобравшись на крышу, менял черепицу.

— Осторожнее там! Крыша в снегу, не ровен час — поскользнешься.

— Не извольте беспокоиться, хозяин! — весело отозвался паренек.

Внутри тоже всю кипела работа. Из-за сырости и запустения штукатурка со стен осыпалась, так что рабочим пришлось сдирать старый слой и заново белить всё известью. Мебель тоже пришла в негодность — комнаты стояли почти пустыми, нужно было заказывать новые столы и кровати.

— Пусть делают всё на совесть, — наказал юноша дяде Чэню. — Если денег не хватит, приходи ко мне. Тетушка и братья не должны ни в чем нуждаться.

Старик с улыбкой кивнул:

— Будьте покойны, всё сделаем в лучшем виде, как для новобрачных.

— Когда потеплеет, нужно будет и остальные дворы в порядок привести. Мало ли, гости нагрянут, а приютить негде.

— Сделаем, — дядя Чэнь проводил юношу взглядом, невольно восхищаясь про себя: «Какое счастье, что молодой господин привел в дом такого супруга. Хотя и юн, а дела ведет разумно — настоящая опора для семьи».

Время летело незаметно, и вот уже наступило двадцать третье число двенадцатого месяца — Малый Новый год. В эти дни овощная лавка пользовалась невероятным успехом. Ван Ин крутился как белка в колесе: по ночам собирал урожай на экспериментальном поле, а днем

стоял за прилавком.

К счастью, Линь Цю всегда был рядом и помогал во всём. Чэнь Цинъюнь и Линь Суй были еще слишком малы — после пары дней работы их пыл угасал, и только старший из братьев неизменно вставал на рассвете, чтобы вместе с Ван Ином идти открывать лавку.

Однажды утром Ван Ин, выйдя из комнаты, обнаружил, что Линь Цю уже ждет его в сенях.

— Не замерз?

Тот застенчиво покачал головой.

— Завтракал?

— Да, поел лепешек из белой муки с пшенной кашей, — ответил юноша. С тех пор как они поселились у Чэней, их с братом кормили так же, как и остальных домочадцев. От постоянного сытного питания лицо Линь Цю заметно округлилось и порозовело.

— В следующий раз не вставай так рано. По утрам покупателей немного, можно и попозже прийти.

— Хорошо...

Ван Ин знал, что юноша соглашается лишь на словах, а завтра всё равно явится ни свет ни заря. Удивительный ребенок: с виду тихий и покорный, но при нужде не побоится и ножницами себе в горло ткнуть. Если же опасности нет — и слова громкого не вымолвит. К счастью, рана на шее почти затянулась, остался лишь тонкий алый шрам, который зимой легко было скрыть под воротом одежды или шарфом.

Несколько дней назад Цао Кунь прислал весточку, что сегодня заедет за товаром. Ван Ин заранее подготовил около трех сотен цзиней свежих овощей. В конце года у Цзяохана работы невпроворот, так что это, скорее всего, была их последняя закупка перед праздниками.

Около десяти утра в дверях показался Цао Кунь с тремя помощниками.

— С наступающим Новым годом, лавочник Ван! — зычно крикнул он с порога.

— Что это ты так рано за поздравления принялся?

— Да решил заранее отметить. У нас в Цзяохане скоро выходные начнутся, до праздников вряд ли еще увидимся.

— Ну, тогда и я тебя поздравляю. Желаю великой удачи и процветания в новом году!

— Ха-ха-ха! Спасибо на добром слове!

— Братская невестка, куда эти корзины ставить? — в лавку вошел Линь Цю, неся охапку душистого лука, и едва не столкнулся с Цао Кунем. Оба замерли, глядя друг на друга.

Глаза возчика мгновенно вспыхнули.

— Ты?! Что ты здесь делаешь? — выпалил он.

Линь Цю, не понимая, кто этот человек, лишь испуганно спрятался за спину Ван Ина.

Тот поспешил разрядить обстановку:

— Это господин Цао, хозяин Цзяохана. Помнишь, он присылал тебе целебную мазь, когда ты был ранен?

Линь Цю тут же вежливо поклонился:

— Благодарю вас, господин Цао.

— Да не за что... пустяки, дело житейское, — Цао Кунь неловко почесал затылок, глуповато улыбаясь. Он принялся командовать своими ребятами, чтобы те перетаскивали овощи, но его взгляд до самой последней секунды был прикован к юноше.

Ван Ин, наблюдая за этой сценой, про себя лишь усмехнулся: «Цао Кунь даже не пытается притворяться — уставился на парня в упор, бедный Цю аж покраснел весь».

Впрочем, стоило бы разузнать, что за человек этот Цао Кунь: есть ли у него семья, каков его нрав. Если он человек достойный, то почему бы и не свести их? Из них могла бы получиться славная пара.

Когда расчет был окончен, Цао Кунь подошел к юноше и шепотом спросил:

— Лавочник Ван, а сколько лет вашему родственнику? Он уже помолвлен?

— А тебе зачем?

— Да так... встречал его пару раз в уезде, не думал, что свидимся снова здесь, в городке.

Видно, судьба. Вот и спросил к слову.

— Это сын моей третьей тетушки. После Нового года ему исполнится семнадцать, и он пока ни с кем не сговорен.

Цао Кунь расцвел в такой широкой улыбке, что ее невозможно было скрыть:

— Вот и славно! Просто замечательно!

Ван Ин не стал его разоблачать. В конце концов, такие дела решаются в кругу семьи — нужно будет переговорить с тетушкой, пусть старшие решают.

К полудню торговля затихла, и они решили закрыться пораньше. Юноши прибрались в лавке и, прихватив корзину с остатками овощей, зашагали к дому.

На полпути им навстречу вылетел запыхавшийся Чэнь Цинсун.

— Цинсун, что стряслось?

— Беда, — выдохнул мальчик, хватая ртом воздух. — Беда, брат Ин! Старший брат подрался!

— Подрался?! С кем?! Он жив? Где он сейчас? — Ван Ин засыпал его вопросами, чувствуя, как сердце уходит в пятки.

— С каким-то сюцаем сцепился... Голову ему разбили... Он дома сейчас.

Ван Ин бросил корзину прямо на дороге и во весь дух помчался домой.

Когда он ворвался в комнату, Чэнь Цинъяню уже перевязали голову, и он лежал в постели.

— Матушка, как же так вышло?

Госпожа Ли, утирая слезы, только всхлипывала:

— Не знаю, А-Ин... Я его спрашиваю, а он молчит как рыба.

— Что лекарь сказал?

— Сказал, рана неглубокая, но нужен полный покой. Вот и пойми — ушел здоровым, а

вернулся с окровавленной головой! — она снова прижала платок к глазам.

Чэнь Жун тоже не сдержалась:

— Это же надо так измываться! По голове били, ироды! А если бы калекой оставили?!

Ван Ин смотрел на бледное лицо мужа, на запекшуюся кровь на его воротнике, и в его душе закипала холодная ярость. Он столько сил положил, чтобы выводить его, чтобы вернуть ему вкус к жизни — и кто-то посмел в одно мгновение всё это разрушить!

Он вышел из комнаты и нашел в коридоре Чэнь Цинсуна:

— Рассказывай всё по порядку. Как Цинъянь получил эту рану?

Мальчик шмыгнул носом:

— Сегодня мой сокурсник позвал меня на диспут. Я уговорил брата пойти со мной — хотел познакомить его с Чжан Шицю, он недавно из уездной школы вернулся...

Оказалось, что приглашение пришло еще несколько дней назад. Товарищи Цинсуна собирались обсудить Пятикнижие и поделиться своими мыслями — обычное дело для молодых ученых. Большинство из них были ровесниками Цинсуна или чуть старше, и лишь Чжан Шицю выделялся среди них своим званием сюэца.

Всю дорогу до места встречи младший брат не умолкая расхваливал таланты этого Чжана, его глубокие познания и блестящий ум. Чэнь Цинъянь слушал молча, не проронив ни слова.

Когда они вошли в дом, гости уже были в сборе. При виде братьев Чэнь все поднялись с мест, приветствуя их.

Во главе стола восседал Чжан Шицю. Увидев Чэнь Цинъяня, он на миг замер, но тут же расплылся в любезной улыбке:

— Сколько лет, сколько зим, Цинъянь! Рад встрече.

— Брат, так ты знаком с господином Чжаном? — удивился Цинсун.

Чэнь Цинъянь холодно усмехнулся:

— Более чем знаком.

Чжан Шицю, не меняясь в лице, мягко произнес:

— Видимо, у брата Цинъяня остались ко мне какие-то старые обиды. Что ж, обсудим это с глазу на глаз, а пока давайте приступим к нашему диспуту.

Цинсун, не понимая, какая кошка пробежала между ними, потянул брата за рукав, умоляя сесть.

Темой сегодняшней беседы был канон «Шан шу».

— С какой же главы начнем наше толкование? — поинтересовался кто-то из присутствующих.

Чэнь Цинъянь вдруг заговорил, и голос его звучал как удар бича:

— Начнем с главы «Канон Яо». И разберем слова: «Его речи кротки, но деяния порочны; личина смиренна, но помыслы дерзки до небес».

Эта цитата описывала людей коварных и лживых, скрывающих за маской добродетели черную душу. Намек был слишком явным, и лицо Чжан Шицю мгновенно потемнело.

— А я полагаю, — парировал он, — что лучше вспомнить слова: «Не внимай речам необоснованным и не следуй советам, что не прошли проверку временем».

— Ничтожество! Как ты смеешь произносить эти слова?!

Чэнь Цинъянь резко вскочил, указывая пальцем на Чжан Шицю.

— Когда-то я пожалел тебя, видя твою нужду! Я пустил тебя в арендованный мной дом, делил с тобой кров, кормил тебя и давал свои кисти и тушь, чтобы ты мог готовиться к экзаменам! Я считал тебя своим самым верным другом, а ты... Как ты отплатил мне за доброту?!

— Б-брат... — Цинсун застыл от ужаса. Его кроткий брат, который всегда сторонился споров, сейчас походил на разгневанное божество. Откуда в нем взялась эта яростная сила? И как случилось, что эти двое связаны столь горьким прошлым?